

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
27 (90)

ИСТОРИЯ
И
ФИЛОЛОГИЯ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Вопрос о возникновении государственности на периферийных территориях древней Передней Азии на рубеже II и I тысячелетий до н. э. представляет значительный теоретический интерес. Она возникает здесь на завоеванной территории, в обществе, подчинившем своей власти ряд государственных образований (типа городов-государств). На протяжении длительного времени вместе с формированием классового общества здесь наблюдается постепенный переход от догосударственной родоплеменной организации (союз племен) к государству; несмотря на некоторое чисто внешнее воздействие, выразившееся в заимствовании отдельных форм государственности, она сложилась здесь в результате внутреннего процесса социального и политического развития. В известном смысле речь идет об изменениях, происходивших в недрах «варварского» общества завоевателей, параллельно чему (с учетом, разумеется, своеобразия эпохи и социально-экономических условий) может служить процесс образования варварских государств на территории Римской империи.

Несмотря на всю важность, эта проблема, хотя ей и посвящен ряд исследований,¹ не может считаться всесторонне изученной. До сих пор остается неясным даже такой вопрос, как время возникновения государства. Некоторые исследователи полагают, что уже в период Судей иудейско-израильское общество имело государственную республиканскую организацию.² Другие авторы, отмечая, что кочевая племенная организация давала определенные возможности для отправления государственных по своей природе функций,³ видят начало государственности в возникновении царской власти, которая объединяла под своим контролем все древнеизраильские племена и возникла в связи с необходимостью оказать сопротивление филистимлянам.⁴ Возникновение царской власти ставилось также в связь с утратой Ковчега Завета и крушением представлений о Йахве как о царе древнего Израиля,⁵ что представляет собой лишь позднее осмысление событий под влиянием монотеистических идей. В своем развитом облике иудейско-израильское государство рассматривается обычно как национальное,⁶ причем этапное значение придается таким

¹ Sulzberger M. The polity of the Ancient Hebrews. — JQR, 1912—1913, vol. 3; Galling K. Die israelitische Staatsverfassung in ihrer vorderasiatischen Umwelt, Leipzig, 1929. — Монографии X. Доннера и И. Соггина остались нам недоступными.

² Dus J. Die «Sufeten Israels». — ArOr, 1963, 3, S. 444—469; Buccellati G. Cities and nations of Ancient Syria. Roma, 1967, p. 113.

³ Ср., например: Alt A. Die Staatenbildung der Israeliten in Palästina. — Kleine Schriften, Bd. II, 1959, S. 5; Ehrlich E. L. Der antike jüdische Staat. Hannover, 1964.

⁴ Alt A. Die Staatenbildung..., S. 11—19; Kolhaas A. A. Theocratie en monarchie in Israel. Wageningen, 1957; R. de Vaux. Les institutions de l'Ancien Testament, t. I. Paris, 1958, p. 145.

⁵ Bardtke W. Samuel und Saul. — BiOr, Bd. 25, 1968, S. 289—302.

⁶ Alt A. Die Staatenbildung..., S. 20; Buccellati G. The Cities.

явлениям, как возникновение наемной дружины и династического принципа наследования царской власти.⁷ Однако при всей важности этих лежащих на поверхности явлений нельзя не видеть, что они служат лишь внешним выражением определенных глубинных процессов, в исследовательской литературе не раскрытых.

Как известно, само по себе осуществление распорядительных и военно-организационных функций не свидетельствует о существовании государства. Ф. Энгельс и В. И. Ленин показали, что государство возникает как специфическое учреждение, призванное обеспечить эксплуатацию неимущего класса имущим, господство второго над первым. Его существенные признаки заключаются в наличии территориального деления данной политической структуры и в учреждении такой политической власти, которая не совпадает непосредственно с населением и для содержания которой взыскиваются налоги.⁸ Если исходить из этого, то проблема становления государственности из проблемы становления царской власти превращается в проблему возникновения территориального членения общества и специализированного аппарата управления. Период Судей, когда происходит формирование раннеклассового общества, представляет собой, по-видимому, этап существования древнеизраильского общества как союза племен с общим культом, общими историческими или квазиисторическими традициями (в том числе и о происхождении от одного предка) и наличием общего для всех племен военного и гражданского управления,⁹ когда демократически организованная власть в общем представляет собой народовластие и специализированного аппарата управления не существует; в это время начинаются постепенное становление территориальной организации и превращение родоплеменных органов управления в органы государственной власти.¹⁰ Соответственно встает вопрос об эволюции царской власти, о ее превращении из экстраординарной магистратуры в рамках родоплеменной организации в составной элемент государственного аппарата, высшую власть в государстве.

Согласно одному из вариантов предания о появлении царя в иудейско-израильском обществе, это событие объясняется стремлением древних израильтян коренным образом преобразовать общество по тем образцам, которые наблюдались у других народов (I Сам., 8, 4—5): «И собрались

⁷ Alt A. Das Königtum in den Reichen Israel und Juda. — Kleine Schriften, Bd. II, 1959, S. 116—134.

⁸ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 21, с. 108, 118, 170—181; Ленин В. И. О государстве. — Полн. собр. соч., т. 39, с. 69, 73.

⁹ Племенную организацию древнего Израиля пытались представить как своеобразную аналогию греческим амфикициям (N o t h M. Das System der zwölf Stämme Israels. Stuttgart, 1930). Против этой концепции были выдвинуты серьезные возражения (см.: F o h r e r. Geschichte Israels. Heidelberg, 1977, S. 74—79, где и основная литература), и «теория амфикиции» считается в настоящее время опровергнутой. Отрицается даже существование древнеизраильского племенного союза (ср.: M a u e s A. D. H. Israel in the Pre-Monarchy period. — Vetus Testamentum, vol. 23, 2, 1973, p. 151—170). Однако дошедшая до нас нарративная традиция определенно изображает древний Израиль как союз племен («колен»), ведущих свое происхождение от общего предка, почитающих общего для всех бога и имеющих общую традицию и общие интересы. О существовании политического организма, именуемого «Израиль», свидетельствует и знаменитая стела Мернептаха. Сомневаться в достоверности такой картины нет достаточных оснований, хотя, разумеется, между отдельными племенами имели место конфликты (ср. Священные войны внутри Дельфийской амфикиции), хотя отдельные племена иногда не принимали участия в совместных предприятиях и внутренняя структура союза могла меняться в связи с изменениями статуса отдельных родоплеменных образований, распадом некоторых племен на более мелкие дочерние объединения и, наоборот, объединением ряда мелких группировок или вхождением мелких образований в более крупные. Ср. также: I s h i d a T. The Leaders of the Tribal League «Israel» in the Pre-Monarchic period. — Revue Biblique, 1973, 4, p. 514—530.

¹⁰ Ср.: K r e i s s i g H. Die Bedeutung der sogenannten Richterzeit bei den Hebräern. — Beiträge zur Entstehung des Staates, Berlin, 1973, S. 82—91.

все старейшины Израиля (ziqnē yiśrā'ēl), и пришли к Самуилу в Раму. И сказали они ему: „Вот ты состарился, а сыновья твои не идут твоим путем; теперь поставь нам царя (mālāk), чтобы он судил нас, как у всех народов“. И далее (I Сам., 8, 19—20): «. . . пусть будет царь (mālāk) над нами, и мы будем, как все народы, и будет судить нас царь наш, и будет выходить перед нами и воевать войны наши». Эта концепция, несомненно, связана с хорошо известной характеристикой додарского периода как времени анархии и беспорядка (Суд., 17,6): «В те дни не было царя в Израиле; каждый делал то, что ему нравилось».

Эти указания, однако, находятся в контексте, в котором появление светского царя рассматривается как попытка ликвидировать над Израилем царскую власть Йахве (I Сам., 8,7): «Ибо не любя они отвергли; ибо Меня они отвергли, чтобы Я не царствовал над ними». Там же находится и знаменитый отрывок о «правах царя», где рассматриваются prerogatives и привилегии царя как носителя верховной власти. К какому бы времени этот отрывок ни относился, считать ли его отражением ханаанейской действительности второй половины II тысячелетия до н. э., на что, возможно, дают право некоторые наблюдения И. Мендельсона,¹¹ видеть ли в нем отражение ситуации, существовавшей в Иудейском и Израильском царствах,¹² в любом случае остается открытым вопрос, мог ли царь уже в тот период, к которому отнесено действие легенды, рассматриваться как носитель суверенитета и верховной власти. Показательно, что и после помазания (I Сам., 10, 1), которое должно было, согласно преданию, выявить божественную инициативу и харизматический характер царской власти, после выборов по жребию (I Сам., 10, 20—24) выборный царь не осуществляет в этом качестве какие-либо правительственные функции (I Сам., 10, 26): «И Саул пошел домой в Гиву»; позднее мы застаем его папущим землю.

В дальнейшем эта же традиция, пытаясь согласовать эпизод спасения Йавеша с предшествующим рассказом, говорит об «обновлении» царства, т. е. о повторном провозглашении Саула царем (I Сам., 11, 14—15): «И сказал Самуил народу: ступайте, пойдем в Гилгал и обновим там царство (unēhaddeš šām hammēlūkā). И пошел весь народ в Гилгал, и воцарили там Саула пред Йахве в Гилгале, и принесли там жертвы шеламим пред Йахве». Из этого текста могло бы следовать, что в иудейско-израильском обществе существовал обряд «возобновления» царства, иными словами, силы и мощи царя, а также возобновления его prerogatives, аналогичный вавилонскому ежегодному возобновлению царской власти и (по своему значению) египетскому хеб-сед;¹³ как известно, аналогичное предположение о существовании в иудейско-израильском обществе праздника ежегодного восшествия царя на престол, аналогии которому составлял праздник ежегодного воцарения Йахве, было высказано на основе изучения библейских псалмов.¹⁴ Не исключено, что автор интересующего нас текста, пытаясь согласовать эпизод спасения Йавеша с предшествующим рассказом, опирается именно на этот обычай. Тем не менее в эпизоде спасения Йавеша Саул, как увидим далее, действовал как частное лицо, поэтому «обновление» царства в данном случае исключено. Речь может идти только о провозглашении царя.¹⁵ Эти обстоятельства, особенно йахвистическая тенденция рассказа, позволяют говорить о позднем происхождении всего этого отрывка в целом, следовательно, для решения вопроса о происхождении царской власти он не существует. Он показывает лишь, как

¹¹ Mendelsohn I. Samuel's denunciation of Kingship in the light of the Accadian documents from Ugarit. — BASOR, 143, 1956, p. 17—22.

¹² Амусян И. Д. «Народ земли». — ВДИ, 1955, № 2, с. 15.

¹³ Матье М. Э. Хеб-сед. — ВДИ, 1958, № 3, с. 7—28.

¹⁴ Mowinkel S. Psalmenstudien II. Amsterdam, 1971, p. 6—8.

¹⁵ Ср. также: Велльгаузен Ю. Введение в историю Израиля. СПб., 1909, с. 220.

этот вопрос пытались представить люди, обрабатывавшие иудейско-израильскую традицию с позиций утверждения монотеизма Йахве и концепции его царской власти над Израилем.¹⁶

Если бы предположение о существовании в иудейско-израильской среде обряда «обновления» царской власти подтвердилось, можно было бы думать, что представления о царской власти формировались здесь под влиянием архаических воззрений на ту роль, которую предводитель племени или союза племен играл в их жизни, — воззрений, сложившихся задолго до возникновения государства.

Фактически действующим лицом в общенародном масштабе Саул оказался только начиная с эпизода спасения Йавеша (I Сам., 11, 1—14). В этом рассказе существенно то, что граждане Йавеша обращаются за помощью ко всему древнему Израилю (I Сам., 11, 3: «Мы пошлем послов во все пределы Израиля»). Им не приходит в голову естественная, казалось бы, мысль — обратиться к царю, носителю верховной власти. Саул выступает как организатор похода против аммонитян; но и в этой ситуации он не ссылается, как можно было бы ожидать, на свои полномочия царя. Интересна близость этой ситуации к истории Гидеона. Лишь после победы израильтяне предлагают Гидеону быть их наследственным правителем (Суд., 8, 22: «Правь нами ты, и сын твой, и внук твой, ибо ты спас нас от руки Мидяна»), однако Гидеон отказался. Речь идет, несомненно, о царской власти.

Последовательность событий в обоих случаях может быть представлена следующим образом: некое частное лицо по собственной инициативе созывает народное ополчение; как предводитель этого ополчения и победитель, он провозглашается царем.

Эта последовательность была, однако, не единственно возможной. Когда Давид после смерти Саула переселился вместе со своею дружиной в Хеврон, политический и культовый центр Иудеи, «туда пришли мужи иудейские (ʿanšē yēhūdā) и помазали там Давида царем (lēmālāk) над домом Иуды» (II Сам., 2, 4). Очевидно, Давид был провозглашен царем на народном собрании. По-видимому, аналогичным способом приобрел на короткий срок власть над древним Израилем сын Саула Ишбошет, которого «воцарили» (wayaumlīkehū) в Маханайме «над Гилеадом, и над Ашером, и над Изреелью, и над Эфраимом, и над Бинямином, и над всем Израилем» (II Сам., 2, 8—9). В дальнейшем воцарение Давида над всем Израилем описывается следующим образом: «И пришли все племена Израиля (kol šibtē yiśrāʿēl) к Давиду в Хеврон, и сказали следующее: вот, кость твоя и плоть твоя мы. Даже вчера, даже третьего дня, когда Давид был царем над нами, ты был предводителем (mōšī wēhammēhī) Израиля (т. е. фактически выполнял обязанности царя. — И. Ш.). И сказал Йахве тебе: ты будешь пасти народ Мой, Израиля, и ты будешь вождем (nāgīd) над Израилем. И пришли все старейшины Израиля (kol ziqnē yiśrāʿēl) к царю в Хеврон, и заключил с ними царь Давид договор в Хевроне, пред Йахве, и помазали они Давида, чтобы он был царем над Израилем». Аналогичный рассказ с некоторыми стилистическими вариациями мы находим и в I Хрон., 11, 1—3.¹⁷

Обращая на себя внимание близость этой ситуации к положению, которое, согласно преданию (Суд., 11, 5—11), существовало при приглашении Ифтахы в вожди племени Гилеад: «И было, когда начали воевать сыны Аммона с Израилем, то пришли старейшины Гилеада (ziqnē gilēʿad), чтобы взять Ифтаху из страны Тов. И сказали они Ифтаху: идем, и ты станешь

¹⁶ А. Бирам рассматривает проблему прихода к власти Саула с чисто теологических позиций, оставляя в стороне социально-политические аспекты проблемы. См.: Biram A. 'Aliyyat Ša'ul limeluka umašbar hammeluka. 'Oz le Dawid, Yerušalayim, 5724, p. 211—221.

¹⁷ О договорах между царем и избирающим его народом см.: Fohrer G. Der Vertrag zwischen König und Volk in Israel. — ZAW, Bd. 71, 1959, S. 1—22.

нашим воеводой (qāšīn; ср.: в Септуагинте: εἰς ἀρχηγόν), и мы будем воевать с сынами Аммона. И сказал Ифтах старейшинам Гилеада: ведь вы ненавидели меня и изгнали меня из дома отца моего, так почему же вы пришли ко мне теперь, когда враг напал на вас? И сказали старейшины Гилеада Ифтаху: но вот теперь мы вернулись к тебе, и идем с нами, и мы будем воевать с сынами Аммона, и ты будешь у нас главой (rō's) ¹⁸ всех жителей Гилеада. И сказал Ифтах старейшинам Гилеада: если вы возвращаете меня, чтобы воевать с сынами Аммона, и даст Йахве их пред лицо мое, — я буду у вас главой. И сказали старейшины Гилеада Ифтаху: Йахве пусть будет свидетелем (yhwh yihūā šōmēā'), если мы не поступим согласно твоим словам. И пошел Ифтах со старейшинами Гилеада, и поставил его народ над ними главой и воеводой (lērō's ulēqāšīn; ср.: в Септуагинте: εἰς κεφαλὴν καὶ εἰς ἀρχηγόν). И произнес Ифтах все слова свои перед лицом Йахве в Мицпе.

Приведенный материал показывает, что на первых порах царь представляется экстраординарным магистратом, которому для занятия должности требовалось в той или иной форме предварительное решение совета старейшин и народного собрания.¹⁹ Какая-либо единообразная процедура избрания и провозглашения царем фактически отсутствовала; источниками она во всяком случае не засвидетельствована. Представляется, однако, весьма симптоматичным сходство между обстоятельствами избрания на царство Давида и избрания вождем-воеводой Ифтаха. Царь, как и вождем-воевода, представлял собой одну из возможных (наряду с другими) фигур предводителя; какой именно магистратуре будет оказано предпочтение, зависит от условий места и времени.²⁰ Показательно, что царь титулуется nāgīd — одним из обозначений племенного вождя, и это сразу же вводит его в систему племенных магистратур, подчеркивает его положение среди племенных вождей как первого среди равных.²¹

Материалы о деятельности Саула и на раннем этапе Давида, а также приведенные выше указания источников показывают, что царю на раннем этапе были свойственны прежде всего полководческие функции; в этом качестве он тождествен воеводе (qāšīn).

Борьба за власть между преемниками Давида выявила новый порядок приобретения царской власти: один из претендентов, Адония, сам провозглашает себя царем, вступив в заговор с группой придворных Давида, тогда как другой претендент, Соломон, получает власть по наследству, в результате волеизъявления своего отца (I Цар., 1, 5—10 и 29—40). Ни совет, ни народное собрание здесь участия не принимают, хотя Адония и приглашает своих братьев и всех иудеев на торжественное жертвоприношение-пиршество, а Соломон провозглашается царем несколькими при-

¹⁸ О титулах племенных вождей см.: Bartlett J. R. The use of the word rō's as a title in the Old Testament. — VT, vol. 19, 1969, 1, p. 1—10; Speiser E. A. Background and function of the Biblical Nāsi'. — Oriental and Biblical Studies. Philadelphia, 1967, p. 113—122.

¹⁹ А. Маламат полагает, что возобновление договора было необходимо только при появлении новой династии и прекращении преемственности царской власти. Эпизод с Рехав'амом свидетельствует против этой точки зрения. См.: Malamat A. Organs of statecraft in the Israelite Monarchy. — The Biblical Archaeologist, vol. 23, 1965, p. 36.

²⁰ Термином šōrēṭ — «судья» обозначались, как известно, военные предводители и правители, а не судьи в собственном смысле слова (ср.: Ishida T. The leaders. . . p. 514—530), а самый глагол šāpāt обозначал действия, связанные с выполнением функций управления, в том числе и судебных (Malamat A. Mari and the Bible. Jerusalem, 1973, p. 7). В то же время судья-спаситель, наделенный харизматической силой, был до известной степени независим от племенных организаций (ср.: Malamat A. The Deliverer-Judge. — Publications of the Israel Academy of Sciences and Humanities, 1971, p. 11—25). В этой ситуации царь естественно был преемником судей, воспринявшим их функции, и его власть фактически не отличалась от их власти. Ср.: Eynin Š. Ša'ul we Dawid. — 'El ha'ayin, 15, 5722, p. 4; Macholz G. Ch. Die Stellung des Königs in der israelitischen Gerichtsverfassung. — ZAW, Bd. 84, 1972, S. 157—182.

²¹ Eynin Š. Ša'ul we Dawid, p. 13.

дворными и получает помазание при стечении народа — жителей Иерусалима, но вовсе не в результате их волеизъявления.

Этот решительный разрыв с древней традицией невозможно объяснить тем, что она угасла сама собой. Известно, что, задумав свергнуть своего отца Давида, Авшалом под предлогом выполнения сакральных обетов отправился в Хеврон и оттуда обратился ко всем племенам древнего Израиля с просьбой провозгласить его царем в Хевроне, культовом, как сказано, центре Иудеи (II Сам., 15, 7—10). Его домогательства были удовлетворены (ср. II Сам., 19, 24); тем самым власти Авшалома был придан легитимный характер, а Давид оказался в положении человека, стремящегося захватить власть насильственным путем. В дальнейшем мы узнаем, что в совете Авшалома участвовали «все старейшины Израиля» (*kol ziqnē yisrā'el*; II Сам., 17, 1—4) и что «рабы Давида» (*'abdē dāwīd*) сражались с «народом израильским» (*'am yisrā'el*; II Сам., 18, 6—7). Соответственно этому и разгром Авшалома был тяжелым ударом по суверенитету израильского совета. Правда, традиция говорит, что древние израильтяне, раскаявшись после смерти Авшалома, снова призывают Давида на царство и что последний снова побуждает иудейских старейшин обратиться к нему (II Сам., 19, 10—15), однако эта демонстрация народного волеизъявления, несомненно, должна была придать видимость законности возвращению Давида к власти и нужна она была только потому, что Давид еще не чувствовал себя достаточно сильным.

Его ближайшие преемники полагали, что могут обойтись уже без этой формальности, однако, когда десять израильских племен не признали власти Рехав'ама, они воспользовались своим правом выбрать угодного им царя; в результате выборов на народном собрании (*hā'ēdā*) царем был провозглашен Иаров'ам (I Цар., 19, 22). Показательно, что Рехав'ам должен был направиться в Сихем, «ибо в Сихем пришел весь Израиль, чтобы воцарить его» (I Цар., 12, 1). Здесь же происходят и переговоры между Израилем и Рехав'амом о смягчении налогового бремени. В более позднее время, как показывает Втор. 33, 5, существовала точка зрения, согласно которой единственно законной считалась верховная власть Йахве: «и стал Он в Иешуруне царем в собрании глав народа вместе с племенами Израиля». Утверждая таким образом суверенитет Йахве и традиционных органов власти племенного союза (совета старейшин и народного собрания), можно было поставить под сомнение законность власти правящей династии, призвать вернуться к обычаям и нормам, характерным для периода, когда государственности в строгом смысле слова еще не существовало.

Мы наблюдаем, таким образом, борьбу между двумя принципами наследования царской власти и соответственно между двумя тенденциями — стремлением к выборной власти, с одной стороны, и стремлением к наследственно-династийной системе — с другой. Она отражает конфликт между силами, стремившимися объективно к созданию государства, и силами, противившимися этому. Наследственно-династийный принцип окончательно побеждает только после раскола Иудейско-израильского царства. Не случайно в этой связи и стремление царя территориально размежеваться с советом, и перенесение резиденции в Иерусалим; не случайно и то, что переломным моментом послужил разгром восстания Авшалома.

Разгром восстания Авшалома явился важным этапным событием и в другом отношении. Мы впервые после рассказа об этом событии, повторном воцарении Давида и разгроме восстания Шевы сына Бихри, узнаем о формировании хотя и примитивного, но царского государственного аппарата (II Сам., 20, 23—26).²² «И Иоав был начальником всего войска израильского, и Бенайа сын Йехойада — над критянами и филистимлянами, и

²² Ш. Ейвин указал на отсутствие государственного аппарата как на характерную черту царствования Саула. См.: Euvín Š. Ša'ul we Dawid, p. 6—7.

Адорам над повинностями, и Йехошафат сын Ахилуда секретарем, и Шейа — писцом, и Цадок, и Эвайатар — жрецами. Также и Ира Йаирский был жрецом у Давида». Собственно, уже при дворе Саула имелся «начальник войска его» (šar šəḥā'ō) Авинер сын Нера (I Сам., 14, 50; ср. II Сам., 2, 8). Однако только сейчас царю потребовалось не только и не просто облечь некое лицо частью своих полномочий, что и явилось по существу предпосылкой к созданию государственного аппарата, но передать целой группе лиц, зависевших только от него, командные, административные и жреческие функции.

Этот поступок — естественный результат отстранения от власти совета и необходимости по-новому организовать управление.

Эту же политику продолжал и Соломон, бывший совершенно независимым от демократических органов власти (I Цар., 4, 1—6): «И был царь Соломон царем над всем Израилем. И вот вельможи (haššārīm), которые у него: Азарйаху сын Цадока — жрец, Элихареф, Ахийа, сыновья Шиша — писцы, Йехошафат сын Ахилуда — секретарь, и Бенайаху сын Йехоада — над войском, и Цадок, и Эвайатар — писцы, и Азарйаху сын Натана — над наместниками ('al hanniṣṣāḥīm), и Зевул сын Натана, жрец, друг царя, и Ахишар — над домом, и Адонирам сын Авда — над повинностями». Как видим, Соломон значительно расширил количество ведомств; особый интерес вызывает появление должностного лица, которому были подчинены наместники. Это последнее обстоятельство указывает на прямую связь административной реформы Соломона с введенным им же территориальным делением.

Наша традиция (I Цар., 4, 7—8) указывает, что Соломон назначил двадцать наместников, в обязанности которых входило обеспечение кормления царского дома в течение месяца (ср. также I Цар., 5, 2—3 и 7); иными словами, они должны были обеспечивать выполнение натуральных повинностей. Та же традиция говорит и о размещении этих наместников (I Цар., 4, 8—20): «И вот имена их: Бен-Хур в горах Эфраима; Бен-Декер в Макац, и в Шаальбим, и в Бет-Шемеше, и в Элоне, Бет-Ханане; Бен-Хесед в Аруббот: у него Сохо и вся страна Хефер; Бен-Авинадаб — вся возвышенность Дора (Тафат, дочь Соломона, была его женой); Баана сын Ахилуда — Таанах, и Мегиддо, и весь Бет-Шеан до Царетаны ниже Изреели, от Бет-Шеана до Авель-Мехолы, до той стороны Йокнеама; Бен-Гевер в Рамот-Гилеаде, у него поселения Иаира сына Менашше, которые в Гилеаде, у него область (hāḥāl) Аргов, которая в Башане, — шестьдесят городов с большими стенами и медными затворами; Ахинадав сын Иддо в Маханаиме; Ахимаац в Нафтали (он также взял Басемат, дочь Соломона, в жены); Баана сын Хушайа в Ашере и Алоте; Йехошафат сын Паруаха в Иссахаре; Шим'и сын Элы в Биньямине; Гевер сын Ури в стране Гилеада, в стране Сихона, царя аморейского, и Ога, царя Башана, по одному наместнику в каждой стране».

Оставляя в стороне вопрос о происхождении наместников, заслуживающий, несомненно, специального рассмотрения (обращают на себя внимание имена типа Бен-Хур, Бен-Декер и т. п.; предположение, согласно которому они обозначают выходцев из соответствующих родов и больших семей, кажется, однако, если исходить из параллельного угаритского материала, неоправданным: в Угарите эти имена обычно личные²³), отметим, что здесь мы наблюдаем смешение нескольких принципов территориального деления: чисто территориального и территориально-племенного, что говорит не только о непоследовательности царского правительства, но и о том, что соответствующие племена образовывали не только этническое, но и территориальное единство.²⁴

²³ Ср.: E y v i n S. Reḥaḥ'am we Yaroh'am, Sefer Qornegrin. Tel-Aviv [s. a.], p. 74—79.

²⁴ Ср.: E y v i n Š. Ša'ul we Dawid, p. 13—15.

Обращает на себя внимание направленность этого аппарата. Здесь существуют следующие ведомства: командование войском, руководство наместниками (иными словами, обеспечение натуральных повинностей), обеспечение трудовой повинности и ведение царского «дома», т. е. дворцового хозяйства. Иными словами, по отношению к подданным этот аппарат выступает в роли эксплуататора. Кроме того, как ясно из предыдущей характеристики доцарского времени, предполагалось, что царская власть обеспечивает порядок, т. е. неизбежность существовавших в данный период общественных отношений. Тем самым обеспечивалась эксплуатация рабов рабовладельцами и свободных мелких производителей представителями родовой знати и нарождающейся новой аристократии (царские приближенные и его дружина²⁵), а также непосредственно царем (не случайно поэтому и ведение царского хозяйства являлось одной из функций государственного аппарата), причем особенно существенную роль здесь играло распространение повинностей на свободных единоплеменников. Из сказанного очевидно, какие именно слои были заинтересованы в создании государственного аппарата. Именно эти обстоятельства имеет в виду знаменитая речь о «правах царя».

Формирование государства в иудейско-израильском обществе завершилось, таким образом, в царствование Соломона. Его, разумеется, можно назвать «национальным», но только в том смысле, что оно объединяло в своих рамках всех древних израильтян и иудеев. Однако не только их. Значительно больше оснований, с нашей точки зрения, видеть в ней территориальную монархию типа ассирийской, хотя и меньшую по своим масштабам.

В целом применительно к данному району процесс формирования государства можно себе представить следующим образом: первоначально царь выступает в роли выборного общесоюзного магистрата, который ведет организацией военного дела, руководит оборонительными и наступательными войнами. На этом этапе царь еще не является носителем верховной власти; специализированный аппарат управления отсутствует. Затем, после восстания Авшалома, царь становится носителем верховной власти, но совпадающей непосредственно с населением; на этом этапе создается специализированный аппарат управления, зависимый только от царя и подчиненный непосредственно ему.²⁶

Впрочем, было бы упрощением полагать, что создание государственного аппарата имело своим последствием уничтожение родоплеменной структуры общества.

Традиция (I Хрон., 27, 16—22) сохранила до наших дней список вождей израильских племен (использованы титулы *nāgīd* и *šār*, очевидно, равнозначные), которые находились у власти в царствование Давида; перечислены племена Реувен, Шимеон, Леви, Иуда, Иссахар, Зевулун, Нафтали, Эфраим, половина Менаше в Цисюрдании, половина Менаше в Гилеаде, Бийамин и Дан. Насколько правдоподобна точка зрения, согласно которой они образовывали на раннем этапе совет при царе,²⁷ трудно сказать; однако несомненно, что они пользовались большим влиянием и властью.

Из I Цар., 8, 1—3 мы узнаем, что совет старейшин Израиля (*zīqnē yisrā'el*), вожди племен (*rā'sē hammattōt*) и предводители родов (*nēšī'ē hā'āhōt*) по призыву Соломона участвовали в сакральной церемонии — перенесении Ковчега Завета в построенный Соломоном храм.

²⁵ О структуре и эволюции дружины Давида см.: Mazar B. *Haggibborim 'ašer le Dawid*, 'Oz le Dawid. Yerušalayim, 5724, p. 248—267; 2) *The military elite of king Dawid*. — VT, vol. 13, 3, 1963, p. 310—320.

²⁶ Поэтому едва ли может быть принят взгляд, согласно которому монархия не создала новой системы легальной администрации. Ср.: Macholz G. Ch. *Die Stellung...*, S. 157—182.

²⁷ Eynin Š. *'Amrakalat...*, p. 47—65.

Однако их деятельность не укладывалась исключительно в сакральные рамки.

Как уже говорилось, даже после смерти Соломона в условиях резкого обострения социальных конфликтов народное собрание древнего Израиля воспользовалось своим легитимным правом, отказав в воцарении Рехав'ама и избрав Йаров'ама.²⁸ В условиях военного конфликта, получив послание дамасского царя Бен-Хадада, израильский царь Ахав созывает «всех старейшин страны» (kol ziqnē hā'ārās; I Цар., 20, 7); в выработке ответа принимает участие и «весь народ» (kol hā'am; I Цар., 20, 8). Очевидно, в данном случае действуют народное собрание и совет старейшин, поддержка которых нужна царю для организации наиболее эффективного отпора противнику. Не случайно и то, что раскол Иудейско-израильского царства произошел по родоплеменному признаку.

Племена и в рамках развитого государства сохраняли значительную внутреннюю самостоятельность. I Хрон., 4,39—43 упоминает о самостоятельных походах симеонитов в Сеир и на восток; еще в правление царя Хизкии они вели самостоятельные войны, сопровождавшиеся территориальными захватами. В политической жизни Израильского царства племена играли исключительно активную роль.²⁹

Все эти обстоятельства значительно усложняли структуру и общественную жизнь этих государственных образований.

I. Schiffmann

THE KINGS POWER AND STATEHOOD

On the early stage of the development of the biblical society the king was not the bearer of statehood in the proper sense of the word. He was one of the highest magistrate of the tribes union and as such commanded the tribal militia. The king was elected if necessary per acclamationem or by allotment. After crushing of the Abshalom revolt appear organs of statecraft. During the rise of the statehood election of the king was replaced by the dynastical principle of the inheritance of the kings power, and the king becomes head of the state.

---

²⁸ См. подробнее: Malamat A. Organs of statecraft..., p. 34—65. — Нам, однако, представляется неправомерной мысль, будто «старцы», с которыми совещался Рехав'ам, готовя ответ на требования народных масс, — это совет старейшин. В данном случае, как ясно из контекста, речь идет о двух поколениях придворных — «стариках», т. е. придворных Соломона (I Цар., 12, 6) и «молодых» — сверстниках Рехав'ама (I Цар., 12, 8). Ср. также: Euv in Š. Reḥav'am we Yarob'am, p. 73—79.

²⁹ Ср., в частности: Струве В. В. Ефрем и Манассей. — Еврейская мысль, 1926, с. 130—143.